

18+

НАША ЭРА НАСТУ ПАЕТ ЗАВТРА

УЛЬЯНА ВЕРАСЕВА

Ульяна Верасева

Наша эра наступает завтра

<https://litres.ru/74370023>

ISBN 9785007099684

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Бойся своих желаний. И особенно тех, что произнесены на латыни. Продолжение истории студентов классической филологии из повести «Просыпайся, Цезарь».

Содержание

I	5
II	7
III	14
IV	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наша эра наступает завтра

Ульяна Верасева

Fortis imaginatio generat casum.

Сильное воображение

рождает событие.

— латинская пословица

© Ульяна Верасева, 2026

ISBN 978-5-0070-9968-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Солнечные лучи ловко проникали через открытое окно в небольшую комнату на втором этаже инсулы¹ и разбегались по немытому полу и бесцветным стенам, заползали на шаткие стулья и невысокий столик, тянулись по узкой низкой кровати, пока не добрались до закрытых глаз безмятежно спящего человека, на чьих веках все еще блестели остатки золотых теней.

Утро наступило несколько часов назад, и на душной торговой улице городской шум уже сражался с плесканием воды в фонтанах, крики людей смешивались с топотом копыт, но ничто не могло разбудить бесстыдную женщину в постели. Достойные всегда встают с солнцем и приступают к работе безо всяких промедлений, и лишь гнусные лентяи без совести позволяют себе не замечать пробуждение природы. Таковы здесь были порядки.

Только вот никто из недовольных обвинителей не догадался бы, через что прошла накрытая простыней обессиленная фигура с накрашенными веками и почему же она спит так крепко, словно знает, что никогда больше не проснется.

Однако затянутый сон не оказался вечным. Жизнь приготовила для своей жертвы новые испытания и жаждала вы-

¹ Инсула — многоэтажный жилой дом в Древнем Риме с неотапливаемыми и малоосвещенными квартирами и комнатами для сдачи внаем.

пустить их на волю, высмеять границу между разумностью и сумасшествием, реальностью и мечтой, правдой и вымыслом.

И по этой причине Диана открыла глаза.

II

Громкие звуки и яркие запахи неслись в комнату с оживленной улицы, и едва Диана сбросила остатки сна, как почувствовала сильный запах жареного мяса. Она оглянулась, но никакого повара в комнате не оказалось, и вместо этого взгляд упал на прикроватный деревянный столик, где теснились глиняная кружка с водой, светильник в виде керамической чаши с оливковым маслом внутри и стопка свитков из пергамента. Выглядела такая картина подозрительно. Диана постаралась вспомнить, как оказалась в чужом провонявшем жилище, совершенно непохожем на ее комнату в общежитии, но обычно светлая голова теперь оставалась пустой.

Свитки притягивали внимание, и Диана уже потянулась к ним, как вдруг за дверью раздался грохот. На пол упало ведро с водой, и кто-то негромко запричитал, но слов было не расслышать. Затем дверь распахнулась, и на пороге появилась крупная женщина, замотанная в какие-то темные тряпки, которые спускались ей ниже колен и обволакивали голову, оставляя на виду только широкое хмурое лицо и пару выбившихся черных прядей волос. В одной руке она держала полупустое ведро, а второй сжимала глубокую миску.

Диана вскочила с твердой кровати и спешно отошла к окну, решив, что безопаснее будет держаться подальше от незнакомки. Та, в свою очередь, лишь оскалилась и поста-

вила ведро с миской на пол, даже не потрудившись пройти к столику или хотя бы к стулу. Она снова что-то пробормотала себе под нос и уже собралась уходить, как в последний момент остановилась и с презрением все-таки окинула осмотрительную гостью долгим взглядом карих глаз, пробежавшись от самой макушки до пят. Диана не смогла противостоять искушению и тоже посмотрела на себя. Белая ночная сорочка заканчивалась у колен, и Диана никак не могла сообразить, откуда на ней появилось это безвкусное одеяние.

Снаружи громко закаркали вóроны, и один из них вдруг влетел в комнату через открытое окно, но уже через несколько мгновений вылетел обратно, догадавшись, что ошибся домом. Диана повисла над подоконником, украшенным горшками с пахучими травами, и хотела проследить за исчезающей в чистом голубом небе птицей, но тут же позабыла о ней, когда увидела перед собой удивительную улицу.

Четырехэтажные каменные дома без штукатурки с массивными лестницами и утопающими в цветах балконами бесстыдно залазили друг на друга, как и торговые лавки перед ними, кишачие сразу всем товаром, который только можно было выложить на прилавок: овощи, фрукты, яйца и мясо чередовались с сандалиями и глиняной посудой, с белыми шерстяными платками и кувшинами с маслами. Торговцы криками зазывали, покупатели в спешке убегали, и за всем этим наблюдали мраморные статуи, возвышающиеся над беспокойной толпой, облаченной в разноцветные туни-

ки с тогами.

Увиденное больше походило на рисунок из учебника, на картину в музее, на кадр в кинофильме, но точно не на действительность. Однако это была она, истинная и неоспоримая.

— Где я? — ахнула Диана, и слова резанули слух, как остро наточенный нож.

Она говорила не на английском.

Диана знала произнесенные слова, но что-то в них чувствовалось необычное. Они казались пыльными, нетронутыми, почти позабытыми, но неожиданно восставшими, словно феникс из пепла или мертвец из могилы. Слова выглядели тусклыми, но не угасшими, где-то в их глубине, в самой сердцевине трепыхалась жизнь, собирала все свои силы, наполнялась энергией и готовилась вырваться наружу. Слова боялись забвения и хотели жить, сиять, озарять мир своей чудесной красотой, они мечтали звучать и надеялись, что желание их исполнится.

И оно исполнилось.

Латынь выпорхнула, расправив широкие грациозные крылья, и взмыла ввысь, подальше от подземного царства и жестоких цепей, навстречу контекстам, смыслам и сообщениям.

Латынь хотела быть произнесенной, услышанной, понятой. Она хотела жить.

И латынь ожила.

— Где я? — снова повторила Диана, теперь намного увереннее. Сама речь придавала ей сил.

Женщина у порога тяжело вздохнула, поправила платок на голове и без труда заговорила на городской латыни:

— Сначала напьются до беспамятства, а потом рожи кричат. Это всё от безделья. От богатства. Делать нечего, деньги девать некуда, вот и гробите себя с утра до ночи. Терпеть вас не могу.

— Кого? — не сообразила Диана. Зато всё остальное она поняла, даже не задумавшись. Чужая речь звучала настолько естественно, что казалось, будто Диана всю жизнь общалась с людьми только на этом древнем языке.

— Детишек сенаторских, — женщина в очередной раз поправила платок в бессмысленной попытке выглядеть лучше сенаторской девчонки перед ней.

Диана снова выглянула на улицу, потом повернулась к недовольной хозяйке и призналась:

— Не спорю, я действительно пила вчера. Но дело в том, что далеко не здесь. И я совсем не уверена, что надо подразумевать под словом «здесь».

— Ну, что правда, то правда. Пила ты не у меня в таверне, но без сознания оказалась именно на моем пороге. Сначала думала там и оставить, но потом узнала личико и решила, что твой отец заплатит денарий² в благодарность за спасение

² Денарий — римская серебряная монета времен Республики и первых двух веков Империи.

дочери от ночных гуляк.

— Какой еще денарий? И при чем здесь мой отец? — Диана принялась расхаживать босыми ногами по холодному полу, то и дело наступая на мелкие песчинки, которые давно не выметали из комнаты. — Вчера с друзьями ездили в Келшалл, немного выпили, развлеклись. Последнее, что я помню — мы с Авророй бежим по лесу от полиции.

Женщина рассмеялась.

— Даже не удивляюсь, что всё кончилось полицией. Вот зря вас не схватили, может, мозгов бы прибавилось. А Аврора твоя случайно не белобрысая? Квинт, в доме напротив, сказал, что тоже девчонку подобрал ночью. Видать, как дохлые мухи, валялись вы все.

От слов глаза Дианы в миг загорелись, а в голову ударила кровь.

Она была *здесь* не одна.

Аврора тоже оказалась *здесь*.

Но где — *здесь*?

В сумасшедшем доме? В цирке? В театре? А может, ее убеждения были ложны, и она попала в Ад? Или это извращенный Рай для студентов классической филологии?

Женщина заметила, как изменилось выражение лица Дианы, как задрожали ее руки от внезапного возбуждения, и указала на ведро с миской, что принесла с собой. В посуде лежал ломоть хлеба, смоченный в вине и смазанный медом, немного оливок и кусок сыра.

— Умойся и поешь, может, тогда придешь в себя. Потом спускайся, пойдем за вознаграждением. Звать меня, кстати, Кассией. Будь добра, запомни имя своей спасительницы.

Кассия поняла, что и так до неприличия долго задержалась у «гостыи», внизу ее ждали посетители, для которых надо было готовить козленка с бобами. Беседы с патрициями, а тем более молодыми и избалованными, пользы ей обычно не приносили, и нужно было возвращаться к своим делам. Когда одна нога Кассии уже оказалась за порогом, Диана схватила хозяйку таверны за смятую ткань рукава и отчаянно выкрикнула:

— Вы так и не сказали, где я!

— Отцепись от меня! Еще и руки распускает, — вырвалась женщина и метнулась к лестнице. Но гнев ее напоминал скорее театральный. Спускаясь на первый этаж, она всё-таки ответила, оборачиваясь: — Город Рим. Улица Субура. Дом Кассии. Довольна?

Прежде чем полностью осознать услышанную информацию, Диана подбежала к лестнице, чтобы видеть хозяйку, и выкрикнула ей вслед еще один вопрос, который возник у нее рефлексивно, а может, и осознанно, может, он тайно зрел вместе с первым с самого начала, с момента, как она открыла глаза и увидела обстановку комнаты.

— Какой сейчас год?

Кассия хохотнула. Девчонка, видать, совсем с катушек слетела, и на мгновение ее стало даже жаль. Женщина оста-

новилась и посмотрела наверх, где у лестницы стояла с ошарашенным видом сенаторская дочь.

— Семьсот пятьдесят второй³.

— Какой эры?

— В смысле «эры»?

— Иисус родился?

— Какой еще Иисус?

Тогда Диана спросила:

— Кто правит Римом?

Темные глаза Кассии мгновенно наполнились скептицизмом. Позволительно теряться во времени и пространстве, но забывать, кто правит Римской империй...

— Скажи отцу, чтобы отвел тебя к врачу. А Римом правит великий Август⁴.

И с этими словами Кассия удалилась.

Диана же вернулась в маленькую комнату для перебравших посетителей таверны, закрыла за собой подгнившую дверь, села на повидавшую сотню тел кровать и уставилась в серую стену напротив.

Голова трещала, но приходилось превозмогать боль, чтобы понять.

Рай это или Ад?

³ 752 год по календарю Древнего Рима означает 1 год до н. э. по григорианскому календарю.

⁴ Октавиан Август — римский политический деятель, основатель Римский империи, правил Римом после Гая Юлия Цезаря в течение 45 лет.

III

Стареющий, но еще бодрый и энергичный Квинт из инсулы напротив торговал дешевыми крупами, и по своей натуре человеком он был куда менее великодушным, чем его знакомая вдова Кассия. Он поднял Аврору с рассветом и потребовал плату за ночлег. То, что он уложил потерявшую сознание Аврору на подстилку в комнате с рабом, в глазах Квинта выделось настоящим героическим подвигом, достойным высших похвал и наград. Когда выяснилось, что едва соображавшей спросонья Авроре нечем платить, Квинт не на шутку разозлился и решил, что в таком случае наглой оборванке придется день работать на него. Своему рабу Квинт приказал не спускать глаз с медлительной девушки и следить, чтобы она добросовестно вымыла полы в доме водой из колодца, а затем приготовила обед из капусты и рыбы. Раздав указания, Квинт поспешил торговать, даже не потрудившись разобраться, кто такая его новая помощница.

Аврора осталась под надзором сутулого молчаливого мужчины, коротко постриженного и разодетого в пестрые лохмотья, которые легко выдавали его социальный статус. Сама Аврора проснулась в порванной в нескольких местах белой тунике до щиколоток, и никто не торопился обновить ей наряд. Раб принес ведро воды, кинул вонючую тряпку и без излишних комментариев уселся в углу наблюдать.

— Послушайте, произошло какое-то недоразумение, — сказала Аврора, глядя на мерзкую тряпку на полу. — Я, наверно, сплю, и мне очень бы хотелось проснуться. Вы не знаете, как вернуться в сознание?

Мужчина, назвавшийся Горбуном, промолчал. У него не было настроения общаться с бледнолицей девицей, свалившейся ему на голову и которую до этой ночи наверняка держали всю жизнь взаперти, раз жаркое жгучее солнце не затронуло ее светлой кожи.

— Мне действительно надо уйти и разобраться, что произошло. Я бы вам помогла убраться, честно, но...

Горбун перебил ее:

— Ты беглянка? Я слышал, у семьи неподалеку, торгующей серебром, пропала на днях рабыня. Не ты ли это? Надеялась затеряться на самой шумной улице, даже тунику белую своровала, но в итоге угодила в ловушку. Знаешь, тебе лучше вернуться к хозяину, если голова на плечах нужна.

— Я не рабыня, а студентка! — вспыхнула Аврора.

Горбун загоготал от удачной шутки.

— И к какому грамматiku ходишь на занятия? Может, к самому Веррию Флакку⁵? Соревнуешься с другими в знаниях и получаешь в награду бесценные книги? Да уж, ты вчера явно головой где-то стукнулась. Но работать тебе это не

⁵ Марк Веррий Флакк — римский грамматик и педагог, чей педагогический метод состоял в поощрении соревнования между учениками и награждении самых способных учеников подарками.

помешает. Давай делай, что Квинт велел, а потом я отведу тебя к хозяину.

— Нет у меня никакого хозяина! — спор мог продолжаться еще долго, но и без того озлобленный на жизнь Горбун вдруг вышел из себя, вскочил со стула и вlepил Авроре звонкую пощечину.

— Хватит болтать.

И Авроре ничего не осталось, как подчиниться.

Она занялась уборкой чужих комнат, не веря в происходящее и не понимая, как она могла оказаться в такой ситуации. Может, ночью в лесу случилось нечто чудовищное, и она впала в кому, хотя ей всегда думалось, что в таком случае люди прогуливаются вдоль берега и слушают крики чаек, а не работают под присмотром раба в Риме. Не о такой жизни она мечтала, когда переводила под тусклым светом настольной лампы Вергилия, и не верила, что бессознательное выбрало для нее именно такой путь. Ей обязательно надо было вырваться, сбежать, улизнуть, чтобы выяснить, что же произошло.

Пока Аврора вынашивала план побега от Горбуна, ползая на коленях и натирая деревянный пол, спасение неожиданно само пришло к ней в сандалиях и заговорило взбудораженным голосом:

— Слава Юпитеру, ты и правда здесь! Теперь я не сомневаюсь, что и остальные где-то рядом.

Сердце Авроры вздрогнуло, и она подняла голову.

Перед ней стояла во плоти и крови Диана, облаченная в длинную подпоясанную белую тунику и закутанная в паллу, широкую шерстяную шаль. Одежду эту Диана выпросила у Кассии, убедив, что знатной особе непозволительно появляться на людях без верхней одежды и лучше бы помочь девушке за дополнительную плату от отца. На ее руке висела еще одна белая палла, но уже для «рабыни» Квинта.

Выдох облегчения сорвался с сухих губ Авроры, и она заключила подругу в крепкие объятия.

— Бросай всё, нам надо идти к моему «отцу» за деньгами, иначе хозяйка таверны явно размажет меня по стене от обиды. А потом разберемся, что же случилось.

— Как ты прошла сюда? Горбун же за дверью сторожит меня.

— Когда это я не умела разговаривать с мужчинами? Идем, Кассия ждет, — Диана пнула ногой половую тряпку и всучила подруге паллу.

Сооружение необходимых изящных складок из паллы требовало настоящего мастерства, а ведь студенткам приходилось лишь читать о ритуале, рассматривать картинки и ни разу не практиковаться.

Настоящее безумие, только и могла думать Аврора, снова и снова пытаясь превратиться в истинную гражданку золотого Рима. Еще вчера она носила юбку с блузкой, а сегодня заворачивалась в шаль, как в кокон.

— Я думала, в коме нельзя видеть близких.

Диана вскинула бровь:

— Это твоя версия?

— А у тебя какие соображения?

— Загробный мир для тех, кто слишком сильно при жизни увлекался античностью.

— Но ты понимаешь, что тогда мы не выберемся?

— Ещё надо понять, стоит ли...

Наконец-то палла завернула Аврору по всем правилам и вкусам и превратила ее не просто в горожанку, а даже в жрицу какой-нибудь римской богини, настолько величественно она выглядела в новом наряде. Зеркало в комнате не висело, но и без него можно было легко почувствовать обретенную красоту.

— Рим, мы идем в твои объятия! — с запалом выкрикнула в открытое окно Диана и потянула Аврору на улицу.

IV

Среди скульптур и фонтанов легко можно было затеряться, они заменяли городу деревья с цветами и поражали своим невообразимым количеством и безграничной красотой, насладиться которой Диана и Аврора хотели при каждом удобном случае, за что получали недовольные упреки Кассии.

— В подвале вас держали, что ли? Нечего время зря терять, меня работа ждет, давайте поторапливайтесь.

Приходилось подчиняться, ведь не могли они признаться, что впервые в жизни гуляют по великому Риму, впервые в жизни видят своими глазами его арки и форумы, низины и холмы, парки и рынки, впервые в жизни наблюдают, как люди заходят в знаменитые бани и толпятся у харчевен, а дети покупают кукурузные лепешки и играют в мяч. Жизнь бурлила так же сильно, как вода в огромных фонтанах, и хотелось не упустить ни единой капли.

— Смотри, это же храм Марса! — воскликнула Аврора, когда они проходили по Капитолийской площади, украшенной статуями богов и известных римлян.

Диана остановилась, чтобы внимательно изучить величественное сооружение. Ей вспомнились слова Овидия, который говорил, что Марс Мститель живет именно здесь, где сенат совещается о войнах и хранятся драгоценности с день-

гами.

Интересно, а где же сейчас их Марс? Умер ли вместе с остальными или умудрился вернуться в Кембридж после того, как подставил всех своих друзей?

Аврора прочитала мысли подружки и с опаской спросила:

— А вдруг он сейчас там? Сидит на троне, как царь, и жрецы без остановки поклоняются ему, веря, что бог спустился на землю.

— Пусть только попробует оказаться богом, я его быстро на место поставлю, — прошипела Диана, моментально вспомнив все свои обиды и разочарования. — Если эта сволочь попадется мне здесь на глаза, то в Тибре быстро появится еще один труп.

— Умереть в загробной жизни? Разве это не из египетской мифологии?

— Будет из моей собственной мифологии. Кстати, — голос Дианы зазвучал веселее, — раз я дочь судьи, то было бы неплохо, если бы мой отец устроил суд над Веспером за покушение на убийство. С чего вдруг позволять ему уйти от ответственности?

Авроре такой взгляд на вещи не пришелся по душе. Она постаралась отвести Диану от храма, чтобы идеи у той поухли, и поделилась своим мнением:

— Может, не стоит тут сильно увлекаться своими привилегиями и вмешиваться в поток событий. Мы гости здесь, даже, скорее, недоразумение, и желательно вести себя поти-

ше и поскромнее, чтобы не навлечь на себя никаких бед. Самый разумный вариант — собраться вместе и...

— Смотрю, ничему тебя жизнь не учит. Мы уже несколько раз пытались собраться вместе в прошлой жизни, и чем всё закончилось? Предлагаю пользоваться подаренными возможностями. Взять всё, что нам предлагает античный Рим. Никто не знает, что произошло, но раз теперь мы граждане лучшего города в истории человечества, то почему бы тебе не заткнуться?

Несколько человек обернулись, чтобы послушать пламенную речь Дианы, и они даже не подозревали, какое удовольствие приносит ей их внимание, как упивается она своей способностью громко говорить на латинском в присутствии тех, кто понимает каждое ее слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.